

— Разве твоя школа не начинается сегодня, — проворчал Вернон, пока Гарри спускался вниз.

— Да, — рассеянно ответил Гарри, мимоходом украв бекон Дадли с его тарелки. Мальчик взвизгнул от возмущения и умоляюще посмотрел на родителей. Они ничего не сделали. Старшие Дурсли очень быстро усвоили урок.

Дадли был немного медленнее и, вероятно, никогда бы не понял, что размер — это еще не все, но Гарри нравилось его мучить. Это казалось вполне оправданным.

«Отличный бекон, — поздравил он тетку. Она недовольно поджала губы из-за его поведения, но тетю Петунию, как ни странно, не заботила его магия в доме. Гарри даже иногда замечал, что она смотрит на него мягким взглядом, как и сейчас.

Возможно, теперь я больше напоминаю ей ее сестру.

Гарри это особенно не заботило. Дурсли уже давно упустили свой шанс занять место в сердце или жизни Гарри.

— Тогда почему ты все еще здесь? — спросил Дадли, все еще расстроенный потерей бекона. Это была единственная оставшаяся часть его старого завтрака, и Гарри знал, что он сохранил ее до конца, чтобы убрать вкус грейпфрута.

— Поезд отправляется из Лондона в одиннадцать, уже почти десять. — очень тихо заметила тетя Петуния.

Гарри поднял бровь, и она отвернулась, не желая объяснять, откуда ей известно время отправления поезда.

— Ты помнишь, как я могу аппарировать по своему желанию, — объяснил Гарри Дадли. Он обнаружил, что как только он изменил то, как он описал магию, чтобы она выглядела как какая-то сверхспособность или способность из одной из его игр, Дадли внезапно стал удивительно внимательной аудиторией.

Дадли кивнул, бросив настороженный взгляд на отца, который так же внимательно слушал, пристально глядя на бумагу.

«Я могу сделать это, чтобы добраться до школы, другие ученики не могут, поэтому мне не нужно ехать на поезде, как им».

«О, — ответил Дадли, — в этом есть смысл». Его лицо приняло такое крутое выражение, которое он обычно прибегал для особых объяснений Гарри или телевизора.

Он позволил ему оставить свой последний кусок сала для этого. Это может помочь его двоюродному брату учиться.

Вознаграждение за положительное поведение.

— Так когда ты уезжаешь? — спросил Вернон, подозрительно нахмутив брови над маленькими глазами.

— Сейчас, — усмехнулся Гарри и исчез с таким громким треском, что дядя Вернон вскрикнул. Он был почти уверен, что заставил Дадли тоже бросить свой кусок бекона. Он ухмыльнулся про себя, прислушиваясь к звукам спора, доносившимся из кухни внизу.

— Это не может продолжаться, Петунья, — голос Вернона повысился, — он просто делает все, что хочет.

— Как вы думаете, что мы сможем сделать? Ответ тетушки был слегка нетерпеливым и кратким. У них был этот разговор несколько раз только за последнюю неделю, когда они думали, что он не слышит. «Когда мне было девятнадцать, мы с Лили вернулись в дом наших родителей, чтобы помочь им обустроить свой сад. Наша мать решила, что сарай ей не нужен, он был пуст, и ни у кого не было ключа, чтобы открыть его. Лили испепелила все это дело за считанные секунды, не сказав ни слова, как будто это было обыкновенно, а Джеймс, — он впервые услышал, как кто-то из них произносит имя его отца, — ему было гораздо хуже, когда он делал такие вещи каждый день. время, когда он обернулся.

Дядя Вернон снова послышался сдавленным всхлипом.

«Он уйдет, как Лили, через несколько лет, и тогда будем только мы и наш сын, о чем мы всегда мечтали». Гарри слегка болезненно улыбнулся. Возможно, тетя Петунья была более права, чем она думала, Волдеморт мог решить сделать так, чтобы он ушел точно так же, как его мать.

Гарри поднял клетку, которую купил для Хедвиг. Это было то, к чему его родственники никогда бы не прикоснулись, даже если бы они вдруг обнаружили наглость войти в его комнату без стука.

«Аргент».

Он не собирался в Хогвартс до самого вечера и приветственного пира, а это означало, что по крайней мере часть дня можно провести во Франции с Флер.

Под ивой во Франции было намного ярче, чем в Британии. Солнце пробивалось сквозь щели в куполе ивовых ветвей, отражая гладь воды и гладкую, круглую, белую гальку берега.

Он на мгновение вдохнул: шум воды, шелест ивовых листьев, тепло, рассеянное яркими

полосами света по его спине, запах травы, горячего камня и ее.

Флер сидела на их ветке, ее ноги и босые ступни свисали вниз, чтобы мягко пнуть его через плечо. Она пыталась настроить их портключи так, чтобы они прибывали на ветку, но после того, как Гарри промахнулся в первые несколько раз и в итоге получил синяки и промок от падения в реку, он убедил ее, что на самом деле это не так. необходимый.

— Поднимаешься? — спросила Флер, глядя на него из-под вуали волос.

Гарри ухмыльнулся ей и аппарировал на ветку. У него не было другого выбора; это было недоступно с земли.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты можешь аппарировать в пятнадцать лет, — с завистью сказала Флер, — даже если это незаконно.

— Ты просто расстроена, что я тоже могу сюда забраться, — саркастически заметил Гарри, кладя руку ей на плечи и позволяя Флер прислониться к нему.

— Я очень рада, что ты можешь присоединиться ко мне здесь, — пробормотала она ему в шею.

Они наблюдали за рябью реки и тонкими тенями рыб, мелькающих внизу. Это дерево и его ветви были частью окружения семейного дома Флер, но для Гарри это было их место. Место, настолько далекое от Риддла, Министерства магии и его проблем, что с таким же успехом он мог оказаться в другом мире.

«Скоро мне придется рассказать о нас родителям, — предупредила она его. — Я никогда раньше не проводила здесь и половины столько времени, они подозрительны».

— Я не против, — сказал он ей. В конце концов они должны были узнать, он должен был встретиться с ними. Он и Флер были тем, чем это было все лето.

— Габриэль уже догадалась, — тихо рассмеялась Флер. «Она тратит свое время, пытаясь понять, как это произошло. Она хочет знать историю. Ни один из них никогда не использовал слова «парень» или «девушка». Они казались слишком детскими, слишком незрелыми, чтобы описать, что они значат друг для друга.

— Когда ты собираешься рассказать им? — спросил Гарри. — Я должен быть уверен, что смогу прийти сюда, чтобы встретиться с ними.

— У меня нет свидания, — призналась Флер, — всякий раз, когда это кажется подходящим, или, — она улыбнулась ему в плечо, — всякий раз, когда Габби наконец выясняет, куда я продолжаю исчезать, и выслеживает нас. Думаю, она считает нас своей личной романтической историей.

«Я должен передать ей свои воспоминания о Комнате Требований», — рассеянно заметил Гарри.

— Ты не показываешь ей наш первый поцелуй, — приказала Флер, выпрямляясь и отбрасывая волосы назад через плечо. «Этот момент принадлежит нам».

— Я имел в виду другие воспоминания, — успокоил Гарри, он не собирался делиться чем-то, на что было бы так неловко смотреть. Было достаточно плохо, что он думал, что попал под ее очарование, Флер никогда не позволяла ему забыть об этом, она, казалось, очень этим гордилась.

— Это единственный раз, когда мы были там вместе, — ответила Флер, озадаченная, но любопытная.

Я никогда не говорил ей, не так ли?

Теперь, когда он заговорил об этом, не задумываясь, он вспомнил, почему. Это было почти так же унижительно, как показать младшей сестре Флер их первый поцелуй.

— Это не важно, — улыбнулся он, зная, что Флер этого не оставит.

— Нет, — ухмыльнулась она, наслаждаясь его смущением, — ты должен сказать мне сейчас.

— Нет, не знаю, — возразил Гарри, уже зная, что произойдет дальше. Флер заставит его посмотреть на нее, а затем сделает что-то такое, что сделает невозможным для Гарри не дать ей то, что она хочет.

Пара прохладных пальцев повернула его лицо к ее лицу, оставив его беспомощно смотреть в ее глаза летнего неба.

Если бы я не знал лучше, я бы подумал, что это ее очарование.

Гарри знал, что сейчас она не может его так очаровать, он несколько раз заставлял ее проверять его, просто чтобы посмотреть, повлияло ли на него вообще то, как его окклюменция за лето улучшилась. Был импульс, легкое желание произвести на нее впечатление, но оно исчезло в тот момент, когда он начал очищать свой разум, то, что он теперь далеко продвинулся.

Тот факт, что он не мог ни в чем ей отказать, был совершенно необъясним.

'Отлично.' Он быстро рассыпался, просто Флер знала, что так и будет. Она нежно поцеловала его, чтобы он почувствовал себя лучше из-за того, что снова уступает ей. — Когда мы не

разговаривали, — Флер неловко поерзала на ветке рядом с ним, — я возвращалась в комнату, чтобы использовать ее, чтобы помочь себе, но поскольку она пытается вызвать у вас желание... — Он оставил ее висеть, не желая этого. объяснять дальше, если потребуется. Даже его упражнений по окклюменции не хватило, чтобы остановить румянец на щеках.

«Картины», — почему-то вспомнила Флер. Она тихонько усмехнулась над его очевидным потрясением. «Я почти видела их дважды, — сказала она ему, — ты чуть не выбежал из комнаты, прежде чем она изменилась обратно».

Гарри извивался под ее удивленным взглядом, щеки горели.

«Гэбби хотела бы на это посмотреть, — улыбнулась она, — она нашла бы это довольно романтичным».

— Это неловко, — пробормотал Гарри, — я едва мог пользоваться комнатой.

Рука Флер скользнула по его скуле в волосы, притягивая его к себе, чтобы поцеловать.

«Мне нравится мысль, что ты будешь хандрить обо мне в комнате, полной моих картин», — засмеялась она. «Вы сделаете это снова в этом году?»

— Если я не смогу часто навещать тебя, то, наверное, — признался Гарри, целуя ее в ответ.

Конечно, Флер понравилась эта идея. У нее была полоса гордости шириной с иву, ей бы понравилось, что она произвела на него такое впечатление.

— Вы рассказали кому-нибудь обо мне? — спросила она, скромно глядя на него.

— Вроде того, — улыбнулся Гарри. «У меня нет живых волшебных родственников, но я упомянул вас своим друзьям». Салазар уже знал, у него не было никаких секретов от живописи своего предка.

— Кэти Белл, — прорычала Флер более чем собственнически.

— Не угроза, — ухмыльнулся Гарри, — она знает, что ты придешь и сожжешь ее, если она что-нибудь попытается сделать, но она не хочет. Это все в прошлом, как наша весна недовольства.

Флер сердито посмотрела на него, но она только играла. Он сказал ей во второй раз, когда они встретились здесь, что он и Кэти были просто друзьями и больше никогда не будут. Ее беспокойство по этому поводу было трогательным, даже сладким, но только до тех пор, пока она не пригрозила Кэти принести в жертву, если она когда-либо попытается что-то сделать.

— Невилл Лонгботтом тоже?

— Да, — кивнул Гарри, — они оба знали, Невилл видел комнату, а Кэти просто отказалась признать, что она была неправа, когда я сказал ей, что между нами ничего нет. Флер сморщила нос при воспоминании о том, как они танцевали вокруг друг друга. Гарри знал, что она сожалеет о том, что не поговорила с ним, она сказала это, сидя здесь и рассказывая ему, что весной растут нарциссы и что ей следовало показать ему. Он сказал ей, что она может показать его в следующем году и во все последующие.

— Я не могу оставаться здесь весь день, — грустно сказала Флер, проводя пальцами по грубой коре сучка. — Я не могу аппарировать в Шармбатон из-за чар. Я все еще хочу знать, почему ты думаешь, что можешь аппарировать в Хогвартс, особенно после того, как в прошлый раз ты отскочил от защиты.

— Это секрет, — гордо заявил Гарри. Возможно, однажды он расскажет ей, но не раньше, чем будет уверен, что это никогда не будет использовано против них обоих. Он посмотрел вниз, когда Флер не ответила, как обычно. — Ты уже ушел, не так ли?

— Мы пробыли здесь дольше, чем ты думаешь, — улыбнулась она, указывая на солнце сквозь ветви дерева. За то время, что они там провели, он поднялся над деревом и миновал его.

— Как я узнаю, когда смогу встретиться с вами? — спросил Гарри.

«Я зачарую что-нибудь, чтобы мы могли оставаться на связи, — решила Флер, — мы этим воспользуемся».

— Я пришлю тебе письмо, когда оно порвется, — усмехнулся Гарри.

— Он не сломается, — заявила она, спрыгивая с ветки и легко приземляясь на ноги. — Я передам его вам, разумеется, с подходящей фразой.

Подходящие фразы Флер часто оказывались шутками на его счет по-французски, поэтому Гарри выработал привычку переводить их с помощью старого словаря, который он нашел, прежде чем произнести их. Она еще недостаточно научила его французскому языку, чтобы он мог их выучить самостоятельно. На самом деле, вероятно, именно поэтому она этого не сделала.

Гарри аппарировал позади нее с тихим щелкающим звуком.

— Все еще не молчит, — поддразнила она.

«В конце концов, — защищался Гарри, — у тебя есть преимущество с твоей особой магией, мне нужно больше работать для этого».

Флер фыркнула, на ее пальцах заплясали искры. «Ты завидуешь, — решила она, — и колдовство у тебя тоже не нормальное, что ли, у тебя очень необычная палочка».

— Верно, — признал он, — но у меня до сих пор нет, как вы это описали, мягкой магии. '

— Для тебя это не имеет смысла, — сказала она ему несколько серьезно, — ты не вейла, ты не чувствуешь этого. Габриель может чувствовать все, что связано с частью магии, если она достаточно сильна, но я все еще могу чувствовать достаточно, чтобы определить, чья это магия, если я знаю их достаточно хорошо».

«О», это привлекло внимание Гарри, она не упоминала об этом раньше.

«Лабиринт был окутан твоей магией, — объяснила она ему. — Я знала, что он твой, Габби говорила мне, что он бурлит, горяч и яростен. Она сказала, что это было похоже на кипяток, но голодно, — Флер хрипло рассмеялась над его хмурым взглядом. Габриель заставила его магию звучать как чашка чая.

«Ну, я был всем этим, кроме голодного», — ответил Гарри.

— Я бы хотела знать, какое заклинание ты использовал, чтобы излучать такую ауру, — Флер задумчиво взглянула на него, — но я не думаю, что ты мне скажешь.

— Это секрет, — повторил Гарри обеспокоенно, но все еще игриво.

«Ты просто боишься, что я сделаю это лучше», — решила она.

«Это огненное заклинание, — сказал он ей. — Я знаю, что у тебя это получится лучше, хотя тебе это и не нужно», — усмехнулся он, кивнув на искры, которые она все еще рассеянно рисовала кончиками пальцев.

— Верно, — повторила она ему в ответ.

Лицо Флер поникло.

— Мне пора идти, Гарри, — ее пальцы неохотно впились в землю, — но я кое-что зачарую и пришлю тебе, как только смогу, чтобы мы могли вернуться сюда.

«Я мог бы провести с тобой вечность здесь», — сказал ей Гарри, более чем слегка грустный. Он планировал, однажды. Гарри все лето строил планы и все обдумывал, просто чтобы убедиться, что в конце концов он вернется сюда.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/50582/2106153>